

МИРЫ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

КНИГИ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

Валькирия

Лебединая дорога

Меч мёртвых

Викинги

Поединок со Змеем

Братья. Книга 1. Тайный воин

Братья. Книга 2. Царский витязь

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

БРАТЯ

**Книга 2
ЦАРСКИЙ ВИТЯЗЬ
Том 2**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-14925-0

© М. Семёнова, 2018
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ДОЛЯ ПЯТАЯ

Орудье о блюде

— Не пущу!

Воздетая клюка рассекла воздух. Шерёшка стояла в калитке, словно дом от злых гонителей защищая. Воронята даже прыгнули назад, к саночкам, откуда выбиралась испуганная Надейка.

Седые Шерёшкины пряди вились по плечам, наделённые недоброй собственной жизнью.

— Вон отсюда ноги, приبلудыши!

Лыкаш с места не сошёл, но загрустил. Славненько начиналось деяние, должное к державству его вознести. Когда первый шаг таков, каких бед завтра ждать?.. Он доподлинно знал: Белозуб чуть не плакал, выпрашивая себе это орудье, но учитель был непреклонен. «Воробыш пойдёт. И Ворон с ним, для пригляду». Лыкаш с радостью уступил бы честь, да кто ж спрашивал?

Покосившись на Ворона, гнездарь забыл свои горести. На это стоило поглядеть! Надменный дикомыт, чьи дела уже обросли баснословными пересудами, стоял виноватый. Гордые брови сложились жалобным домиком.

— Мы не баловства ради, тётенька.

— А ты! Охаверник!.. Ты!..

— Нас учитель на орудье послал.

— Знать бы, что половину шайки притащишь, воли моей не спросив, я и тебя...

- Ты хоть выслушай, тётенька.
- Слышать ничего не хочу!
- Такое наше орудье, что стервоядцам здешним досада великая сотворится.

Костлявые руки крепко стискивали клюку. Шерёшка молчала, трудно дыша. В глазах всё не унималось тёмное пламя. Наконец бобылка кивнула на мальчишек с Надейкой, спросила недоверчиво:

- Эти, что ли, досаждают станут?
- Нет, тётенька. У них...
- Так пусть лыжи воротят, отколь пришли!
- У них орудье своё. Станут обходить кипуны, камешки весёлые собирать, грязи цветные.
- Пусть опричь моей калитки плетутся!

В Чёрной Пятери уже не все помнили дивный запах Шерёшкиного печенья. Только звучали в общей опочивальне сказы о воровских подвигах нынешних старших.

- Ты бы хоть спросила, на что...
- Вчера не знала и завтра не пригодится. Уводи, отколе привёл!
- А на ризы святой царице Аэксинэй, на плащ государю мученику Аодху.

Шерёшка замолчала, осёкшись. Впрочем, сошку держала по-прежнему крепко и зло.

- На какие такие ризы?
- Про это, тётенька, Надейку расспрашивай. А ежели не любо нас принимать...
- В дровник веди, — бросила, отворачиваясь, немилостивая бобылка. — И вас, остолопов двоих, в избу не пущу, не надейтесь.

Лыкаш сбросил с плеч лямки алыка.

- Пошли, — сказал ему Ворон.
- Куда?

— Людишек будешь опытывать.

Лыкаш опять загрузил. Он полагал засесть с Шерёшкой за стряпной склад, недавно найденный в книжнице. Думал, Ворон сам отправится доводить вороватых насельников до ночного удушья, выведывая, чей отец уволок из крепости царское блюдо да в какую сторону продал.

— Может, ты скорее управишься?.. — вырвалось у него.

Ворон поднял бровь. Его дело догляд. Он, конечно, не даст Лыкашу ни пропасть, ни потерпеть неудачу... но и подменять собою не станет. Лыкаш только рукой махнул, первый вышел вон со двора.

Дровник у Шерёшки был просторный, щепы и чурки полнили навес едва до середины. Тщедушные хворостины, добытые хозяйкой, сразу было знать от поленьев, наколотых мужскими неутомимыми руками.

Надейка вытащила свою постель, разложила у стенки. Ирша с Гойчином собирались ночевать дорожным обычаем, довольствуясь кожухами: «Мы мораничи. Нам с дядей Вороном на орудья ходить!» И удрали со двора — якобы разведывать кипуны. На деле, конечно, подсматривать, как-то дядя Ворон будет досаждать деревенским. А заодно — хоть ненадолго убраться от злющей хозяйки, с которой один только дядя Ворон сладить и мог.

Надейка выкладывала из санок последнюю плитку чёрного камня, добытого в развалинах крепости. На крылечке вновь стукнула сошка.

— Ты, бестолочь, какое понятие о царских ризах можешь иметь? — требовательно и как-то обиженно спросила Шерёшка. — Ты в Беду хорошо если в мамкином брюхе играла!

Надейка покорно опустила глаза:

— Твоя правда, тётяшка. У государыни платье белое, всё синими незабудками. А у государя корзно серебряное, с плеча книзу прикраса в синюю и зелёную нитку...

— Тыфу! — озлилась Шерёшка. — Где то узорочье, негодница? И где наши грязи?

— На картине...

— Что?

— Мне картину велено поновить. С четой праведной.

— Кто велел?

— Господин Лихарь орудье вменил...

Шерёшка зло отмахнулась:

— Картины жаль. А Лихарю неудача поделом станет.

Надейка смолчала.

Шерёшка вдруг ткнула клюкой тяжёленькую чёрную плитку:

— На чём тёртые глины замешивать собралась?

— На желтке с водицею...

— Ты меня провести даже не помышляй. Батюшка мой сам книги сшивал, сам расписывал, — сурово предупредила Шерёшка. — Краски твои провоняют, иссохнут, трещинами пойдут! — И злорадно предрекла: — Загубишь, Лихарь тебя...

Отболевшие ожоги закалили Надейку. Она не вверглась в былое помрачение, лишь чуть вздрогнула.

— На желтке не иссохнут, тётяшка. А чтоб не протухли, уксусом разведу. Закончу, для крепости рыбьим клеем промажу...

Шерёшка тяжело помолчала, пряча удивление.

— Кто научил? — спросила она затем.

— Я от образа Матери... художество постигала...

— Врёшь, — наставила костлявый палец Шерёшка. — Угольями берёсту марать — это да, это всякий наловчиться способен. А красками — нет! Умишка не хватит! Их от Богов взысканные люди в старину обрели и нам науку оставили. Сей же час сказывай, кто на ум направлял! Не то вовсе выгоню и показываться возбраню!

В дровник сунулись воронята. Босые, с мокрыми по колено ногами, штаны перемазаны жёлтым и красно-бурым. Шерёшка зашипела на них. Оба мигом исчезли.

Надейка отвела глаза:

— Меня дедушка Опура учил.

За углом раздались смешки. Опура! Каких только прозваний людям не нарекают!

— Я кого выгнать сулила, если снова соврёшь?

— Не вру я, тётяшка. Он мне показал, как тереть, как кисти вязать...

— Опура? Он до твоего рождения последний ум обронил. Вот что, девка...

— Как есть обронил, — прошептала Надейка. — Когда стена падала, святой жрец хвалы Владычице возносил, а дедушка остатний уголок изрисовывал. Краснопева потом костей не нашли. А дедушка умом подался, когда ему труд всей жизни земными корчами обвалило.

— Ты почём знаешь? Ты тогда...

— Мама сказывала.

Воронята осторожно присели на порожек дровника, стали слушать. Полоумного Опуру они не застали. Не видели, как старец бродил безлюдными переходами. Не слышали, как беседовал сам с собой, поднося жирник к остаткам стенных росписей. Ирша и Гойчин были уже из нового поколения.

— Для нас всё случилось вчера, — совсем другим голосом сказала Шерёшка. — Вам, подлёткам, отцы-матери донесли. А скоро одни бабкины сказки останутся, никто им и веры не даст.

— Так он что? — робея, спросил Гойчин. — Дед этот?

Грустная, задумчивая Шерёшка была совсем непривычна. Как обходиться с ней, пока она размахивала палкой, грозясь прогнать за забор, они успели постичь. Как поступать с тихой и печальной — понятия не имели.

— Вам, малышне, уже не представить солнца на башнях Царского Волока, когда наш корабль подходил заливом, — проговорила Шерёшка. — Для вас это Чёрная Пятерь, где людей меньше, чем крыс, и на каждый жилой покой по три хода заваленных. Кто, рассматривая грудку костей, углядит белую красавицу?

Женщина помолчала, конец сошки вычертил по утópку странную загогулину. Воронята переглянулись. Учитель сравнивал крепость с гордым воином, принявшим раны, но по-прежнему сильным и непреклонным. Такое сравнение мальчишкам нравилось больше, но с Шерёшкой спорить — себе дороже. Только раскричится. И больше ничего не расскажет.

— Я же видела старика, — тихо продолжала Шерёшка. — Когда печенье Ветру вашему приносила. Брезговала вонючкой, нос воротила. Знать бы, что это ради его образов и поличий мы с мужем горести морские терпели! Верный список с картины чаяли домой увезти! — Шерёшка вздохнула. Сложила руки на сошке, утвердила сверху подбородок. — А после...

«А после я мимо ходила. Своё горе лелеяла. Вот, думала, земля носит противного! Когда моих мужа с доченькой...»

Вслух она этого не произнесла.

— Тётя Надейка, — опасливо прошептал Ирша, — а ты как про дедушку поняла?

Надейка ответила так же тихо:

— Я в надвратной молельне узор на берёсту переводила...

— В надвратной? Там же крыши нет и стены суровые?..

— Уходит всё, — сказала Шерёшка. — Расточается. Чего огонь не сжёт, вода по капле смывает. Дети ваши и того, что сейчас есть, не найдут.

— Тогда тоже не много видать было. Остаточки. Зачин прикрасы в уголке. Как дальше совьётся, не угадаешь, а всё одно загляденье. Я рисовать... оглянулась, дед Опура стоит. Взял уголь у меня, заругался, мол, обточен не так. Бранится, а сам узор выводит верной рукой...

Шерёшка вдруг вновь рассердилась:

— Погляжу ещё, что ты намалюешь!

— Тёженька Шерёшка, — сказал тихий Гойчин, — тебе, может, дров нарубить? Полы вымести? Починить что?..

Духовая щель

«Ну вот объявлюсь я вельможам. Клеймо открою. А дальше?»

Стоит сделать долгожданный первый шаг, и кажется, будто весь путь уже пройден. Ничтожный отрок воочию видел себя витязем. Вождём, готовым говорить с высшим почётом Андархайны.

«Только пусть попробуют рукой отмахнуться!»

Светел представил длинный стол вроде того, что накрывали для братской трапезы в Твёрже. Красных бояр, разодетых, как богатые купцы в Торожихе. Избы по сторонам большой улицы, опять вроде твёржинских, только нарядней, выше.

И ему, Светелу, сидеть во главе того стола.

О чём толковать с андархскими большаками? Сколько ни думал — ничего придумать не мог. Попеченья будущего царствования сводились в его разумении всего к двум заботам.

Вот первая:

«Велю вам, могучие воеводы, по камешку разорить Чёрную Пятерь! Сам первый пойду и уж не уймусь, пока брата не вызволю!»

И вторая:

«А кто словом заикнётся Коновой Вен воевать, я того не гневом опалю, я того кулаком в землю вгоню!»

Что ещё делать, нарёкшись Аодхом Пятым?

Поди знай. Так далеко Светел до сих пор не заглядывал.

Это был узкий бедовник, длинный и прямой, как копьё. Его огненным мечом прорубили вихри Беды, рвавшие в каменную щель меж холмов. Теперь здесь гуляли обычные ветры. Жгучие, свирепые. И дули, как водится, прямо навстречу походникам. Старые зяблины на щеках отзывались памятной болью. Светел корчил рожи под меховой личиной, силясь разогнать кровь. Щурил глаза в прорезях, жёсткой рукавицей сдирал с ресниц лёд. Ветродуи, по крайней мере, смел кидь из-под ног, выглаживая дорогу. На иртах своей работы бежалось легко и задорно. Каёк со звоном втыкался в крепко слежавшуюся, бороздчатую белую толщу. Взвизгивал, проворачиваясь. Взлетал в новом замахе. Разогнанные санки катили сами собой. Почти не дёргали пояс.

Временами Светел оглядывался, ибо сзади бежали заменки. «Нас потому так зовут, что мы всякого воина заменяем, — пояснил Косохлест. — Сестра вот из лука бьёт, когда дядя Гулай дострелить не умеет...» Довер-

чивый отрок сперва рот разинул: ух ты! После вообразил страшный лук Гуляя в тонкой руке Нерыжени. Больше он ни о чём Косохлёста не спрашивал.

И называть Нерыжень милой белянушкой даже про себя не тянуло.

Источенный ветрами бедовник казался рекой, пробившей русло среди дремучих урманов. Кое-где из-под снега выпирали громадные изломанные стволы, все макушками к северу. Сразу видно: люди поблизости не живут. Ни полозновиц от тяжёлых саней дровосеков, ни отметин топора или пешни.

— Ишь, посохом размахался, — ворчал сзади Косохлест. — Не призадумался, пасака, в кого комья летят!

Пасокой бывалые витязи именовали хвастунов, на деле ещё не багровивших кровью меча.

— Ладно сердчать, братец, — серебряным голоском вступилась Нерыжень. — Не видишь, из сил вымотался мальчонка. Ему, может, пособить надо, а ты всё braniшь.

В один из первых дней Светел попался. Полез спорить, будто ничуть не стоился. «Ах так?» Косохлест сразу подбавил ему поклажи со своих и сестриных саенок. Спасибо, сам сверху не сел. Светел сдюжил, конечно. Заодно уяснил себе накрепко: мало ли что ты дома великое место держал. Здесь отроком назвался, ну и помалкивай.

— Эй! — возвысил голос Косохлест. — Помочь, что ли?

Светел ответил через плечо и сквозь зубы, но как полагалось:

— Благодарствую, дяденька. Сам дотащу.

Хочешь не хочешь, величай парня младше себя. Светел с тоской вспомнил калашников. Вот где побратимы, вот кто друг за дружку горой! «Может, я от своих людей к чужим людям ушёл?..» Через полсотни

шагов он честно попытался представить, как под снегириное знамя прибился бы парнишка со стороны. Увидел свой и Гаркин кичливые взгляды. Даже улыбнулся под меховой харей.

Тоже небось присвоили бы почёт.

Нерыжень снова подала голос:

— Вовсе не жалеешь, братец, меньшого. Кликнет дядя Сегтар привал, ему, бедному, снова без конца шпенёчки крутить, струночку за струночкой ладить...

Светелу померещился сдавленный смешок за спиной. Там словно ведали про него тайное, зазорное, но что? Поди знай.

— Не заснуть бы, покуда песен дождёмся, — согласно протянул Косохлёст.

И опять словно подавился смешком.

Светел оскалился под личиной. На правду грех злиться, да только большей правды ничто не язвит. Сколько он ни слаживал струны, к следующему привалу они вновь звучали враздрай. Не блюли строя, хоть плачь.

Надо было знать в ту последнюю домашнюю ночь: от лютых обид добра не родится. Гусельки, которые он долбил, выглаживал, клеил так жадно и яростно, словно прямо на них жизнь со смертью сплелись, — этим гуселькам его тогдашняя надсада пришлась как беременной бабе пинок в брюхо. Не порно выпросталось хилое чадце. Вместо бодрого крика еле мяукнуло.

«Где оплошка? Сколько санок в путь выпустил, ни у одних копылья с полозьями расстаться не норовят. А тут шпенёчкам струн не сдержать...»

Постепенно делалось не до разговоров. Уже густели сумерки. Сегтар гнал вперёд, стремясь до темноты пройти Духовую щелью. Чем ближе к холмам, тем беспощадней наседали ветер. В теснине, куда упирался

бедовник, гудела воздушная стремнина. Что за сила гнала ветер сквозь трещину возле самой земли, когда всё небо отдано могучим крылам? Светел не знал. И никто не знал. Ни в Левобережье, ни на Коновом Вене. Всюду считали Духовую щелью чудом. Не злым, просто суровым. Бывали хуже места. Здесь, по крайней мере, люди не пропадали.

Каменное горло можно было обойти, задав крюк вёрст на двадцать, но воевода спешил. Упрямые сегтаровичи входили в теснину, ложась грудью на живой плотный воздух. Поговаривали, будто ветер здесь обретал человеческий голос. Светел хотел вслушаться, но было недосуг. Приходилось двумя руками всаживать посох, чтобы не опрокинуло коварным порывом. Светел убирал лицо, лишь изредка раскрывая правый слезящийся глаз. На левом, неволей подставленном ветру, смёрзлись ресницы. Ветер метал иглы, гвозди, бронебойные стрелы. От такой молотьбы потом больно под веками.

— Ну погодища! — прихотью воздушных токов донёсся смех Илыгры. — Будто в лодке упором!

Дойдя до каменной шишки, за которой неясной тенью растворился Гуляй, Светел глянул назад. Заменки приотстали. Лёгкая Нерыжень налегала на каёк, цепляла мёрзлые камни... всё равно съезжала обратно. Даже камыс на лыжах не помогал. Косохлест тянулся помочь, возился с потягом.

Илыгра прошла здесь без помощи, но Светел не вспомнил, не призадумался. Живо отстегнул санки, направил в стену, чтобы не снесло. Перепрыгнул с лыжами, проехал по ветру. Радостно ощутил в себе силу — врешь, вихорь, не сдвинешь! Упёрся, схватил руку Нерыжени, поволок за собой. Шаг, ещё, ещё! Вот и кремнёвый желвак. Руки в стороны разведи — обе стенки

достанешь. Одолевая половину неба, ломившуюся на встречу, Светел рывком бросил себя на ту сторону. Вытянул Нерыжень.

И... весь воздух кругом куда-то пропал. Рот открылся сам собой, как у вытащенной рыбёшки. Затишь казалась неестественной. Почти пугала.

— Тебя кто просил? — с нешуточной яростью вырвалась Нерыжень.

Светел отодрал с левого глаза корку льда вместе с половиной ресниц.

— Ты ж девка... — проговорил он растерянно. Хотел добавить — у нас на Коновом Вене девьё заступать принято... Не добавил.

— Ещё кто тут девка!

Изощрённый удар легко пронизал меховую толщу, вязаную, портяную. Выше брюха, ниже груди. Огненным клубком прожёт тело — искры вон! Какие сшибки в Затресье, гордая победа возле Смерёдины?.. Светел задрал кверху носки беговых лыж. А Нерыжень, выплеснув обиду, вспомнила: в теснине остался брат. С тремя санками. Девушка обрадованно устремила за желвак, но тут Косохлест сам показался наружу. За ним выкатились его чунки.

— Ты, олух, оружие без присмотра бросил и сестру к тому понудил?

Поднявшийся Светел проворно отскочил и только тем избег новой кары. «Я бросил?..» Вслух пенять было без толку. Он торопливо скинул юксы, проскочил мимо «дяденьки», нырнул за желвак. Вихрь немедленно пнул его в спину, ринул вперёд. Светел едва устоял. В узких стенах плавала почти крошечная тьма. Санок не было. Ветром столкнуло? Косохлесту помешали пройти?.. Светел заскользил на коленях, шаря по снегу. Руки натолкнулись на гнутый облок. Санки Нерыжени, заботливо опёртые о валун. Щенячья глупость,

бросившая отрока помогать воевнице, сделалась совсем очевидна.

Свои чуночки Светел нашёл опрокинутыми у входа в теснину. Захотелось разметать по снегу поклажу. Сесть посередине, замёрзнуть. Вовсе уйти от чужих людей, никак не желавших становиться своими. Светел вздохнул, впрягся, потащил. В лицо ударили иглы, копья, бронебойные стрелы.

По счастью, бежать вдогон пришлось недолго. В щёки пахнуло влажным теплом. Сеггаровичи шли здешними местами не первый раз, добрые места для ночёвок были давно ими разведаны. Санки витязей стояли огородам у края большой плоской впадины, где снегу лежало на сажень меньше, чем всюду. Внизу тонкой пеленой плавал туман. Не зеленец, даже не оттепельная поляна. Просто грельник, материнская ладонь Земли. Кожух здесь не снимешь, но меховую харю сразу долой!

— Где болтаешься? — встретил Светела желчный Гуляй. — Брюхо к спине липнет!

Он, по обыкновению, растирал ногу, наболевшую в дневном пути.

— Помилуй, дяденька, — смиренно повинулся отрок. — В теснине застрял.

Перед Гуляем он почти лебезил. Очень уж хотелось испытать его прославленный лук, на который, как говорили, стороннему человеку и тетивы не надеть. У Светела был при себе свой, очень неслабый, но можно ли сравнивать!..

Он быстро вытащил трёх больших шокуров, ободрал, начал стружить, пока было хоть что-то видно. В дружине всякое право приходилось доказывать. Твёржинский отрок никаких вольностей покуда не отвоевал. Знай кланялся да служил.

— Не побрезгуй отведать, государь воевода, — по старшинству поднёс он Сеггару самые жирные и желанные стружки.

Сеггар в ответ даже не кивнул. Молча взял, бросил толику на грельник, отдаривая за тепло. Начал есть.

— Не побрезгуй, государыня первая витязница...

И вот так всем остальным.

Заменки в дружине стояли всего на ступень выше Светела, но кормились едва не слаще вождя с Ильгрой. Так, будто Неуступ ждал от них трудов превыше даже своих. Каких именно — Светел не спрашивал, всё равно не ответят. Ему самому предстояло обсасывать хребты.

«Вот ослабну, отстану, совсем пропаду, и не оглянутся. Потеря невелика!» Это говорила обида. Светел знал, что не ослабеет. Шокуры, выкормленные в прудах Твёржи, даровали великую силу. Ему, не другому кому. И ещё предстояло раздавать верхосыточку — калачи, испечённые в ту последнюю ночь. Тонко нарезанные, до нежного хруста высушенные в печи... Светел опять же по чину обнёс лакомством дружинных. Попотчевал добрый грельник, взял сам. Ничего вкуснее не было на всём белом свете.

Домашнее благословение медленно растворилось во рту. Пока оно таяло, Светел пребывал в своей ремесленной. Обнимал братёнка, маму, бабушку. Теперь он знал, почему семьян не было у дверей, пока он испуганно строгал Обидные гусли. Скоро вынется из короба конечный сухарик, развеется запах... ещё ниточка оборвётся, ещё след позёмкой затянет...

Светел тоскливо сглотнул последки домашнего вкуса. Взял рыбы шкурки и косточки, понёс прочь — птице и зверю, чаявшим угощения от людей.

Другой глупостью и преступлением Светела были проволочные струны Обидных. Обрадовался, дурень, стальному моточку, щедрому подарку Небыша! Изначально думал дедушкины гусельки обновить по образцу Золотых: пусть бы его вспоминали, звеня в руках у братёнка. Не обновил. С собой проволоку унёс, как украл. Едва ли не в отместку, что Золотые дома остались. Ну и вышло — сам себя наказал. Где было знать, что тонкие стальные тетивы боятся мороза? Светел каялся, мечтал где-нибудь раздобыть жил. Не на каждой ночёвке гусли вытаскивал. Только там, где стужа давала хоть какую-то щад.

— Опять бренькать уселся. Чем бы уши прикрыть, — немедля заворчал Косохлест.

Заступа Нерыжени ударила сильнее нападок.

— Да он, может, петь и не будет. Пока-то струночки соберёт... А там сон сморит.

Щекам стало жарко. Воевница не сильно ошиблась. С прошлой игры Светел нарочно ослабил струны, чтобы пережили мороз. И вот тебе: шпенёчки даже такого усилия не хотели держать. Два крайних вовсе выскочили из гнёзд.

«Что же с вами в битве будет, родимые, коли в санках один раз кувырнулись да оплошали?..»

Рассудок искал объяснений. Сотни сделанных лыж одним голосом винули дурной нрав вагуды, рождённой в обиде. «Дрянной сосудишко. А я иной заслужил? Руки — сковородники, голос — корябка... Смолой, что ли, разведённой гнёзда изнутри напитать?..»

Руки меж тем знай вправляли выпавшие шпеньки, напрягали струну за струной. Спасибо Торожихе, Крылу, спасибо поношениям, принятым на купилище! Светел теперь что угодно мог пропустить мимо ушей.

«Это было в горестный год... Ждал скончанья света народ...»

Последнее время из Левобережья приходили хорошие песни. Иные складывали будто нарочно для того, чтобы по ним гусли налаживать.

«А над ней застыл валун в ковыле...»

Светел выждал, заново попробовал голоса. Гусли звучали верно. Всё-таки он спустил нижнюю струну — проверить, не слишком ли свободно ходит шпенёк.

— А я думал, ветер в Духовой щелье воет, — буркнул из кожуха Гуляй. — Всем играцам наш игрец! Ни тебе песен дожидаться, ни спать не даст.

— Крыло, бывало, из чехолка пока тянет, сам уже слышит, где нестроение, — добавил другой голос. — Один шпенёк повернёт, сорока вёрст как не бывало! Подмётки горят, ноги плясу просят...

— Будет тебе, дядя Кочерга, снегирька орлиной высю корить, — отравленной стрелкой прозвенел смех Нерыжени.

«Мне дядя Летень не брезговал удары показывать. Гуслиам Леший неупокоенный отзывался. Что ж вы-то пеняете? И про Крыла сказать не хотите...»

Домашние доблести Светела, его законная гордость, здесь рождали только насмешки.

— Взятся гусли строгать, всё одно лыжа вышла.

— Повизгивает, как об снег.

«Я глянул бы, как ты с гибалом столкнешься!» Светел злорадно представил ущемлённые персты Гуляя. Его нос и своенравную заготовку, раскидавшую клинья. Он знал: это было пустое. Всё прежнее осталось за Родительским Дубом. По сию сторону имели значение лишь воинские начала. Которые Светелу никто давать не спешил.

Ленивый разговор продолжался:

— Люди доносят, весной старый гусельник помер. Знатый делатель был. Последними, говорят, див-

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЛЯ ПЯТАЯ

Орудье о блюде	5
Духовая щелья	11
Колыбельная брату	29
В перепутном кружале	39
Ночёвка в зеленце	47
Встреча	64
Гузыни	74
Кружало	82
Возвращение с орудья	97
Гонец	100
Туманная щелья	106
Бездна	118
Снова в кружале	127
Погребальный костёр	136
Беда в Кисельне	144
Метель	151
Гадание	155
Возвращение	157
Плащик	159
Предательство	164
За море!	170

ДОЛЯ ШЕСТАЯ

Новый урок	176
Письмо Ваана	187
Ластушкин откос	190
Великая Стрета	197

СОДЕРЖАНИЕ

Тени на стенах	204
Развед	213
Спичакова палатка	227
Волоконце надежды	238
Чужая жизнь и смерть	243
Вставай и беги	253
Окошко в другой мир	257
Господин Звигур	265
Неустроеное неустройство	275
Хвали утро вечером...	285
Посланник Владычицы	297
Святотатство	304
Будет то, что будет...	318
...Даже если будет наоборот	328
Петля пополам	343

ДОЛЯ СЕДЬМАЯ

Старые Отоки	359
Отсталь	366
Костры на перевале	374
На юру	387
Вера и мера	392
Кунный слаз	401
Отвергнутая оболочка	409
Братский костёр	412
Море пришло	421
Чёрное пёрышко	434
Ожидание	441

Семёнова М.

С 30 Братья. Книга 2 : Царский витязь. Том 2 : роман / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-14925-0

Вселенская Беда наслала на землю многолетнюю зиму, оставила немало сирот. Настали тяжкие времена, обильные скорбью утрат...

В чужой семье, в глухой деревушке вырос приёмш — чудом спасённый царевич Светел, наследник некогда могущественной империи. Он решает стать витязем, чтобы найти и спасти родительского сына Сквару, насильно уведённого из дому.

И вот Светел, вчерашний мальчишка, шагает в дружинном строю под небом вечной зимы. Налаживает самодельные гусли, терпит насмешки старших, дорожные тяготы, боль и синяки обучения. Всё ради того, чтобы однажды, став богатырём и вождём, по камешку разнести Чёрную Пятерь, вызволить любимого брата! Между тем порой совсем рядом вьётся холмами и пустошами тропка Сквары, ставшего тайным воином. Тень во тьме, вихорь невесомой позёмки, блеск стремительного ножа... Пути братьев то сходятся почти вплотную, то разбегаются вновь. Суждена ли им встреча?

А в подземном книжном хранилище дни и ночи не гаснет маленький свет. Юный учёный, занятый мирными разысканиями, чувствует дыхание тайн, способных поколебать царские троны. И вот однажды запускается цепь событий, приводящая к неожиданному излому...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ СЕМЁНОВА

БРАТЬЯ

Книга 2

ЦАРСКИЙ ВИТЯЗЬ

Том 2

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная вёрстка Владимира Сергеева
Корректоры Светлана Фёдорова, Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.05.2018. Формат издания $84 \times 108^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 25 000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MSN-23285-81-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/